

Родился 28 июля 1924 г. в г. Орле. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Свердловский юридический институт (ныне — УрГЮА), затем аспирантуру. С 1952 г. ассистент, затем старший преподаватель, с 1954 г. — доцент кафедры гражданского права. В 1961–1988 гг. — заведующий кафедрой теории государства и права. В 1962 г. присвоено звание профессора. В 1988–1995 гг. — директор Института философии и права Уральского отделения АН СССР (ныне — РАН), один из создателей этого учреждения. В 1989 г. был избран народным депутатом СССР от Академии наук СССР и научных обществ, а затем по решению Съезда народных депутатов стал членом Совета Союза Верховного Совета СССР. Входил в Межрегиональную депутатскую группу, являлся председателем Комитета по вопросам законодательства, законности и правопорядка Верховного Совета СССР (1989–1990). В 1989–1991 гг. — председатель Комитета конституционного надзора СССР. В 1991–1995 гг. — председатель Совета Исследовательского центра частного права. Почетный профессор УрГЮА, почетный доктор Университета Париж-XII Валь-де-Марн, председатель Научного совета Института частного права в Екатеринбурге, заместитель председателя Совета Исследовательского центра частного права, председатель Ученого совета уральского отделения Российской школы частного права. Заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент РАН. Награжден орденами Отечественной войны, «За заслуги перед Отечеством» III степени, орденом «Знак Почета» и многими медалями.

Мы повторно публикуем интервью

Сергея Сергеевича АЛЕКСЕЕВА

для журнала «ЗАКОН» № 7 за 2009 г.,
посвященного его юбилею

ПРАВО — ОДНО ИЗ САМЫХ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

— Сергей Сергеевич, спасибо большое, что нашли время для интервью. Первый вопрос, который мне хотелось бы задать, касается Вашего детства. Какие у Вас сохранились воспоминания об этом периоде жизни? Как проходила Ваша юность?

— Спасибо вам за внимание, которое вы мне оказываете. То, что в моих силах, я расскажу. Спасибо за этот вопрос, потому что действительно детство предопределило всю мою последующую жизнь, правда, в несколько неожиданном ракурсе. Я родился в 1924 г. в Орле. До 1941 г. я был нормальным уличным пацаном. Причем с замашками, характерными для уличной жизни, отчасти потому, что последние годы моей учебы в школе проходили наедине с матерью, отца у меня не было в это время. Она была лаборантом, и мне даже приходилось чуточку подрабатывать. В старших классах я ходил в две геологоразведочные экспедиции, что тоже отразилось на моей личности.

В моей жизни произошло два больших потрясения. Первое — в 1937 г.: был арестован мой отец. Он просидел 10 лет на Колыме, потом был освобожден за отсутствием состава преступления. Я был до известной поры своего рода изгоем — сыном врага народа. Жил в атмосфере страха, отчуждения. Второе потрясение — это то, что в 1942 г. я ушел в армию. Хотя меня, по понятной причине, не брали, я добился этого, потому что мне не хотелось быть изгоем, хотелось преодолеть этот рубеж. В армии я пробыл почти три года. На Волховском фронте, на Ленинградском, на Карельском, в Заполярье. Получил контузии и в 1945 г. вернулся. Я вернулся совсем другим человеком. То ли интуитивно, то ли повинуясь каким-то другим импульсам, мне неведомым, я поступил в юридический вуз. Половина поступивших со мной тоже были фронтовиками.

Я очень увлекся правом, потому что почувствовал, что в нем есть нечто такое, что соединяет прозу жизни во всех ее самых разных, зачастую негативных проявлениях, и что-то невероятно глубокое, еще не совсем осмысленное.

Я почувствовал, что именно этот феномен может противостоять тем ужасам, которые я пережил в своей жизни. И ужасам несправедливого положения сына врага народа, и состоянию войны. И, как я потом почувствовал, оно может противостоять и более крупным явлениям насилия и террора. Я потом всю жизнь занимался осмыслением права, пониманием его сути, что и пытался выразить в ряде своих работ, в том числе в последней книжке — «Тайна и сила права». И мне открылось, что право — одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации.

— Скажите, а право и справедливость для Вас одно и то же?

— Нет, не одно и то же. Потому что справедливость — это моральная категория, а право самобытно и обладает своей собственной чудовищной силой, впитывая в себя и начала общепризнанной справедливости. А главное, что характеризует право, — это то, что оно выступает в качестве обители и гаранта цивилизованной свободы для людей. И в этом отношении праву уготована, если выражаться высокопарно, большая цивилизационная миссия — быть основой цивилизационного прогресса для того, чтобы закрепить де-

мократические ценности, для того, чтобы оградить человечество, людей от бедствий и невзгод. И, в частности, от одного из самых чудовищных и несправедливых — от демона всесильной государственной власти. Потому что государственная власть, по своим истокам необходимая и нужная, выходя за определенные ей социальной жизнью пределы, насыщается импульсами господства, тяги к все власти. И ведет к авторитарному режиму.

Когда право начинает рушиться, оно заменяется неполноценным правом власти, которое обслуживает только ее интересы и лишь в малой степени — интересы остальных людей. А в иных случаях выступает и в качестве основы для бесправия.

Вот центр, изюминка того, что мне удалось, как я считаю, зафиксировать в результате упорной 50-летней работы над этой проблематикой. Это идеи, которые я попытался реализовать на практике, когда работал в Москве в Верховном Совете, возглавляя Комитет по законодательству, первый в истории нашей страны свободный Комитет законодательства и правопорядка, и когда возглавлял Комитет конституционного надзора, предтечу Конституционного Суда.

— Не секрет, что Вы, работая в Москве на этих должностях, в один момент все бросили, отказались от государственной квартиры и дачи. Часть своей заработной платы Вы попросили перечислять в медицинские учреждения, госпитали. Почему Вы так поступили? Что плохого было в том, чем Вы занимались? Или Вы почувствовали, что государственная служба, государственная власть — это совсем не то, чему Вам хотелось бы себя посвятить?

— В то время, когда я стремился к достижению этих идеалов, возникла тенденция противоположного свойства — тенденция возврата к прежней советской системе. Она еще довлела над умами людей, и считалось, что господство власти может наиболее быстрым способом решить все проблемы. Даже самые преданные демократы полагали, что рынок мы можем установить пиночетовским образом, путем силы. И это в какой-то мере осуществлялось. Помимо прочего, мое решение уйти было связано с чеченской войной, которая потрясла наше общество, и мы еще долго бу-

дем пожинать плоды этого несчастья. Это была суровая и жестокая война, и, не согласный с ней, я вышел из Президентского совета, покинул другие должности и решил продолжить научную работу по пониманию, утверждению тех ценностей, о которых я говорю.

— Сейчас, оглядываясь на то время, Вы считаете, что приняли правильное решение?

— Да. Я принял то решение, которое даже с сегодняшней позиции я не могу считать неправильным.

— А было так в Вашей жизни, что Вы сначала принимали решение, а потом жалели о том, что оно было принято?

— Наверное, у каждого человека случается такое.

— Как Вы относитесь к тем нормативно-правовым актам, которые сейчас принимаются? Соответствуют ли они тому, что необходимо обществу? В частности, недавно был изменен порядок назначения Председателя Конституционного Суда. Как по-Вашему, это правильно? Увязывается ли это с тем, что председатели других высших судов назначаются подобным образом? Или для КС нужен иной порядок, который был ранее?

— Я считаю, что сейчас в законодательстве есть позитивные моменты. В частности, я считаю одним из таких моментов обновление Гражданского кодекса. По моему мнению, принятие Гражданского кодекса — это наиболее крупное свершение за всю эпоху перемен в нашей стране. И, как мне известно, проведена существенная работа по его обновлению — обновлению одного из важнейших законов, который создает основные условия для развития гражданского общества.

Есть еще ряд добрых моментов, о которых можно было бы сказать, но в целом центристские тенденции авторитарного типа заглушают эти позитивные начала. В том числе то, о чем вы говорите. Председатель Конституционного Суда является одним из лидеров нашего общества. Я могу это подтвердить, поскольку в какой-то мере выполнял подобные функции. Его избрание такими же компетентными людьми, которыми являются судьи Конституционного Суда, было более оптимальным решением.

||| Я полагаю, что новый порядок назначения Председателя Конституционного Суда в какой-то мере не соответствует тем демократическим началам, которые заложены в Конституции.

— Вы сказали, что одно из важнейших событий, которое сейчас происходит, это реформирование и обновление гражданского законодательства. Вы, конечно, помните, как шла работа над ГК в советское время и работа над тем ГК, который был принят в середине 1990-х гг. Как происходило взаимодействие между рабочими группами? Какие у Вас воспоминания об этой работе?

— В какой-то мере я был знаком с гражданским законодательством еще до периода перемен в нашей стране, до периода перестройки, это связано с изучением Кодексов 1922 г. и 1965 г. Причем Кодекс 1922 г. был более прогрессивным, он явился прямым восприятием проекта Гражданского уложения, подготовленного в дореволюционное время, в котором был ряд существенных позитивных элементов. В дальнейшем произошло насыщение гражданского законодательства коммунистическими догмами. А затем, начиная с 1992—1993 гг., началась работа над ГК. Эта работа шла с последовательных и прогрессивных позиций, и проводил ее Исследовательский центр частного права. Я считаю это очень важным и существенным, поскольку Центр является научным учреждением, которое повлияло на развитие правоведения в нашей стране. Мы стремились воплотить все передовое, все лучшее, что накоплено в мировом гражданском законодательстве, для этого были организованы консультационные поездки в ряд стран — в Голландию, Германию и США, в которых и мне приходилось участвовать. Были восприняты самые лучшие образцы (как тогда полагали) гражданско-правового регулирования, хотя и с некоторыми изъянами, которые сейчас, я надеюсь, будут устранины в обновленном варианте ГК.

— Валерий Дмитриевич Зорькин высказал мысль о необходимости присвоить ГК статус федерального конституционного закона. По-Вашему, это справедливое предложение?

— Я считаю, справедливое. По сути дела, так оно и есть, поскольку ГК сам по себе уже занимает ведущее место среди всех других федеральных законода-

тельных актов. Трудовой кодекс и Семейный кодекс — в какой-то степени зависимые, производные от ГК.

В любом правовом государстве, в котором вырабатываются образцы правового регулирования, Гражданский кодекс является эталоном правового состояния данной страны.

Новая эпоха в развитии человечества, построенная на уважении к человеку, на приоритете человеческих ценностей, прав людей, началась с Гражданского кодекса 1804 г. — с кодекса Наполеона, а не с самой по себе Французской революции. Недаром сам Наполеон незадолго до смерти говорил, что принятие Гражданского кодекса выше всех его побед — выше всех 40 побед, которые он одержал. Это верно. Потому что это победа всемирного значения.

— Изо всех людей, с которыми Вы встречались в жизни, Вы могли бы выделить кого-то, кто повлиял на Вас, на Ваше становление как человека, как специалиста?

— Это нетрудно. Если вы обратили внимание, в другой комнате, в той квартире, где я живу, два больших портрета — это портреты моих учителей: Бориса Борисовича Черепахина и Александра Марковича Винавера. Это профессора еще дореволюционной эпохи. Они как раз и служили для меня теми учителями, теми «маячками» для глубокого погружения в право.

— Вы стояли у истоков создания Исследовательского центра частного права. На сегодняшний день филиалы этого Исследовательского центра есть в Екатеринбурге и Москве. Насколько Вы довольны тем, что получилось? Как Вы считаете, Исследовательский центр выполняет ту функцию, ради которой он был задуман?

— Я думаю, что свою решающую роль он выполнил. Он, по существу, препрятал путь другой тенденции, потому что при подготовке проекта Гражданского кодекса его судьба висела на волоске. Ибо президента той поры, Ельцина, убедили в том, что Гражданский кодекс не нужен, а нужен хозяйственный кодекс, или кодекс предпринимательства. И лишь в последнюю минуту перед принятием окончательного решения этого вопроса ситуация изменилась. На это повлиял Исследовательский центр частного права. Поэтому

главное его достижение — это подготовка Гражданского кодекса и специалистов гражданско-правового профиля, которые и сейчас задают тон правовому развитию всей нашей страны. Хотя, с другой стороны, не удалось то, что первоначально замышлялось: чтобы Исследовательский центр еще и являлся своего рода высшей правовой школой того уровня, которого достигла школа экономики (ГУ — ВШЭ. — Прим. ред.) во главе с Ясиным. А мы начинали в одно и то же время. Но ситуация сложилась так в том числе из-за того, что некоторые люди, с которыми было связано образование Центра, ушли из жизни, как, в частности, мой друг С.А. Хохлов, который прошел со мной весь путь мытарств, казался мне наиболее надежным и преданным по самым высоким меркам (а у меня мерки очень высокие, связанные еще с военной порой, да и с моими увлечениями — альпинизмом и туризмом).

— Какое качество Вы цените в себе больше всего?

— Больше всего в себе ценю настрой на терпение. Возможно, это появилось с начала войны, когда молодой городской парнишка попал во фронтовые условия. А немногие знают, что такое фронтовые условия, это сейчас не подчеркивается. Теперь существует некий ореол победы, а на самом деле это было огромное потрясение, большое горе для всей страны, несчастье, нечеловеческие условия, в которых находились все наши войска. Общие потери — порядка 30 млн человек с учетом погибших мирных жителей. Это отразилось на всей эпохе.

||| Умение терпеть и добиваться необходимых результатов — я всегда считал это важным качеством.

— Есть ли какое-то качество, которое Вы хотели бы изменить в себе?

— Раздражительность. Я иной раз в каких-то обсуждениях, разговорах называю современное право юридическим уродцем. Не надо этого делать. А я называю, потому что других слов не нахожу. Здесь сказывается раздражение. С людьми стараюсь сдерживаться, но иногда прорывается такое выражение. Но я с достаточной долей уважительности отношусь ко всем людям.

— Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев и АЮР активно сейчас обсуждают и совершают

первые шаги по реформированию юридического образования. Говорят, что появилось очень много вузов, дающих некачественное юридическое образование. Ваше отношение к этому. Насколько действительно необходимы реформы? Может быть, у Вас есть какие-то конкретные предложения? Что в первую очередь необходимо изменить?

— Я считаю, что у нас недостает юристов высокого класса. Наши учебные заведения, которые не обладают достаточными кадрами, методической учебной базой, выпускают низкопробных юристов, потому что некоторым людям казалось, что подготовка юристов — это простое и легкое дело. Но самое главное сейчас — это подготовка высококлассных юристов, специалистов высшего уровня, высокого ранга, которые нужны во всех областях жизни — в международной, внутренней, судебской работе. А что касается низкопробного образования, оно должно отмереть, уйти в небытие. Это была ошибочная линия, построенная на негативных проявлениях нашего рыночного общества, — легко заработать, легко получить. Надо от этого уйти как можно быстрее.

Высококлассные юристы — это не только те, кто знает множество верных решений по разным юридическим делам, а те, кто понимает суть права, его предназначение, место в жизни общества.

Здесь должно быть развито очень сильно и мощно общее понимание смысла и цивилизационного назначения права как высшего достижения цивилизации и культуры человечества.

— Если говорить о юридическом образовании, о подготовке юридических кадров, то, как Вы считаете, есть ли какие-то характерные, специфические черты, которые присущи трем основным правовым школам России? Я имею в виду свердловскую, петербургскую и московскую правовые школы.

— Такие отличительные черты есть. Если взять штрихи, которые первыми пришли в голову, то вот они. Московской школе близка потребность в непосредственной власти, она ориентирована на престижную юридическую высокооплачиваемую работу. К сожалению, другие сферы остаются в тени. Что касает-

ся петербургской школы, то она связана с именами крупных специалистов. Я сам ленинградец, защищал докторскую диссертацию в Ленинграде, обе мои дочери живут в Ленинграде. Ленинградская школа — это Б. Черепахин, А. Венедиктов. Мы только с ним (с А.В. Венедиковым. — Прим. ред.) вдвоем в стране были лауреатами Государственной (Сталинской, позднее — Ленинской) премии. Других лауреатов Государственной премии, которые получили бы ее единолично за свою работу, нет. Крупнейший представитель ленинградской школы — О.С. Иоффе, который потом уехал в Америку. Мы с ним в Голландии встречались, когда готовили Гражданский кодекс. Блестящий оратор, представитель юридической школы — В.К. Райхер. И вот на этой основе создавалась такая хорошая школа. Что касается нашей екатеринбургской, свердловской, юридической школы, то характерно то, что в ней попытки глубокого понимания права увязаны с юридической конкретикой. И прежде всего с цивилистикой. Недаром наша кафедра, которую мне в течение 20 лет пришлось возглавлять, имела направленность на разработку тем, достаточно основательных с теоретической стороны, но увязанных с конкретной юридической жизнью.

— Вы частично упомянули о своей семье, о дочерях, которые живут сейчас в Санкт-Петербурге. Могли бы Вы подробнее рассказать о том, какая у Вас семья? Я знаю, что с Вашей супругой, Зоей Михайловной, Вы вместе уже около 60 лет. Как Вы познакомились? Кто из близких сейчас рядом с Вами?

— С Зоей Михайловной мы познакомились в юридическом институте. Она училась на курс или два младше. Вместе мы работали по комсомольской линии. Это была живая в то время работа. Мы создали комсомол в институте, и это была ведущая молодежная организация без каких-то особых коммунистических догм. Там мы и познакомились. Что касается детей, то у меня две дочери. Одна из них — кандидат филологических наук, специалист по немецкому языку. У нее есть уже своя дочка, которая часто к нам приезжает. Она очень близкий мне человек. Другая дочь возглавляет, по существу, первую частную кардиологическую клинику в Санкт-Петербурге. У нее есть дочь, которая уже защитила кандидатскую диссертацию.

— Когда и где Вы были более всего счастливы?

— Я думаю, что наиболее счастливые минуты в жизни у меня были во время сложных туристических, альпинистских и прочих походов, когда приходилось преодолевать серьезные препятствия. Эти походы в какой-то степени вывели меня из жуткого состояния, в котором я находился после фронта. Уральские походы, наверное, самое большое счастье. Кстати, в них принимал участие Вениамин Федорович Яковлев, когда он здесь работал. Вместе мы были на Камчатке, в других районах.

— Возвращаясь к вопросу о реформировании гражданского законодательства. Те рабочие группы, которые были созданы, та концепция, которая разрабатывается, — как Вы считаете, в полной мере она соответствует тем изменениям, которые...

— Я не очень в курсе дела, видимо, по состоянию моего здоровья. Я напрямую не участвовал в этой работе, но те вещи, которые мне известны, — они плодотворны, опираются на практику. Вот единственное, что у меня вызывает если не настороженность, то какое-то внутреннее желание что-то изменить: когда готовился Кодекс, то исходя из устремленности наших дореволюционных учителей, а также А.Л. Маковского, В.А. Дозорцева и других разработчиков существовала направленность на немецкую школу, на Германское гражданское уложение. А я считаю, что здесь следовало бы — и это, наверное, цель будущих разработок — ориентироваться на французский опыт, на французское гражданское законодательство.

— Как Вы считаете, с учетом тех изменений, которые происходят в обществе, в мире, признаки государства, известные из классической теории государства и права, изменились? Требуют ли они корректировки?

— Конечно. Они требуют корректировки с точки зрения основных начал, заложенных нашей Конституцией.

— Как Вам кажется, у молодых граждан России в сознании изменилось отношение к таким понятиям, как законность и правопорядок? Наше восприятие этих вещей соотносится с тем, что было в советское время, может быть, немного раньше?

— Сейчас это восприятие трансформируется в лучшую сторону. Хотя в некоторых случаях многие по-

нимают это больше как фразы и декларации, нежели как реальное дело. Это проблема. Что касается советского времени, то здесь нужен дифференцированный подход, потому что закон и практика, касающиеся политической жизни, должны служить нам мощным предостережением. Но вы должны понять, что и в то время сохранялись какие-то островки, представители еще дореволюционной поры, связанные с частным гражданским правом.

||| Еще в советское время развивалась гражданско-правовая мысль. И довольно интенсивно. А на ее основе, что я считаю важной особенностью нашей свердловской школы, утверждались и ценности общеправового порядка.

— Сейчас много разговоров идет о борьбе с правовым нигилизмом, о том, что необходима пропаганда права. Среди людей, которые получают юридическое образование, этого, наверное, не требуется. А среди обычных граждан как это делать? Ведь не заставишь всех читать кодексы и учебники. Как, по-Вашему, нужно в России бороться с правовым нигилизмом?

— Прежде всего нужно, чтобы была реальная практика на всех уровнях. Причем я считаю формулировку «правовой нигилизм» мягкой. Вот моя формула, которой я придерживаюсь, в какой-то мере отстаиваю: у нас происходит более суровое явление — это крушение права в его общечеловеческом, высоком значении. И это должно быть большой тревогой для общества. Потому что крушение права означает, что общество теряет одну из важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса.

— Как Вы считаете, Вы — советский человек?

— Уже не совсем советский человек. Какие-то черты остались. Во время войны еще был советским человеком, верил во многие идеалы, ценности той поры, но на меня повлияла жизнь в Москве. Это по своему напряжению для меня было сравнимо с войной. Недаром я считал, что три года, проведенные на фронте, и три года, проведенные в московских условиях, для меня приравнены. Потому что это было состояние, когда нужно было отстаивать свои глубинные человеческие ценности, свои нравственные стандарты, сталкиваясь

с теми реалиями, с которыми приходилось бороться, и не всегда это удавалось.

— В России еще достаточно много людей советских по складу ума, по образу мышления.

— Большинство, к сожалению.

— У меня в этой связи вопрос. Сейчас многие европейские политологи, экономисты обращаются к трудам Маркса и Энгельса, говоря, что это сейчас становится особенно актуальным. Они писали и о государстве и праве, в частности. Как считаете, действительно ли их работы сейчас, в данной экономической ситуации, приобретают большое значение? Действительно ли имеет смысл обращаться к их трудам по государству и праву для того, чтобы понять, что сейчас можно сделать, чтобы исправить ситуацию?

— Да, я думаю, что стоит обращаться. Не в качестве эталона, не в качестве учебника, а в качестве предупреждения. Потому что их утверждение, допустим, о государстве как органе насилия, принуждения меньшинством большинства, к сожалению, подтверждается во многих авторитарных государствах или государствах, имеющих к этому тенденцию, когда момент насилия выходит на передний план. И надо понять, к чему потом это насилие привело в наших реальных условиях, когда, стремясь к каким-то высоким целям, мы придерживались установки, что любые средства хороши. А с экономической стороны, мне кажется, мы чересчур увлеклись этим образом рыночной экономики в ее узком понимании, потому что один из глубочайших российских правоведов-мыслителей И.А. Покровский называл передовой экономику частнособственную, но не рыночную. Ибо рыночная связана со многими негативными процессами и по своей природе в какой-то степени носит силовой характер: побеждает хитрый, мошенничающий человек, всеми способами извлекающий максимум прибыли в любых условиях и несмотря ни на что. И здесь у Маркса рассуждения о товарном производстве как эталоне развития экономики являются очень существенными.

|| Одними из первых, кто сказал о необходимости использовать то, что называют рыночным механизмом, были юристы, и прежде всего цивилисты.

А среди них я должен отметить наши с В.Ф. Яковлевым статьи, которые в то время появились. Это были первые сигналы того, что нужно использовать опыт, который сейчас в крайних его выражениях называют капиталистическим.

— У Вас огромное количество наград и премий. Какая из них представляет для Вас наибольшую ценность?

— Наибольшую ценность представляет знак, который я ношу, — это ценный знак фронтовика, который был в боевых частях во время ВОВ, и другая награда — звание лауреата Государственной премии, потому что, как и А.В. Венедиктову, оно было присуждено индивидуально. Венедиктову — за его труды о собственности, а мне — за труды по гражданскому праву и по правовой теории. Эти награды для меня наиболее ценные. Но можно упомянуть и то, что я не всегда рекламирую, — французы меня сделали почетным доктором Парижского университета.

— Вам скоро исполнится 85 лет. Из всех жизненных вех есть ли какой-то возраст, в который Вам хотелось бы вернуться?

— Да нет, не надо возвращаться. Потому что даже самый счастливый возраст потом завершается последующими этапами, которые являются для человека, так сказать, переносимыми, если имеешь то, о чем я упомянул: достаточную выдержку и умение терпеть. Поэтому я бы не хотел. Но если абстрактно, с точки зрения элементов фантастических говорить, то, наверное, тот возраст, когда я таскал 60-килограммовые рюкзаки, сплавлялся по порожистым рекам, карабкался...

— Как Вы относитесь в изучении теории права к методам герменевтики? Сейчас часто пытаются привлечь различные философские теории для познания права.

— Это один из методов. Герменевтика всегда присутствовала в толковании; ее достижения, ее законы, ее правила должны быть использованы. Но это не должно быть каким-то глобальным направлением. Это вопросы толкования, применения права, не более того.

— Вы верите в Бога?

— Нет. Но я верю в то, что во Вселенной существуют элементы всемирного разума.

— Если после смерти Вам представилась бы возможность вернуться на Землю, в качестве кого Вы бы хотели вернуться?

— В качестве того, кто я сейчас. Другой не получится.

— Если бы Вы начали свою жизнь сначала, Вы бы сделали однозначный выбор — юриспруденция?

— Да. В 1945 г. это был какой-то случай. Просто, увлеченный тогда литературой, я думал о том, что юриспруденция мне даст наибольшие знания, представления и ощущения неприкрытым, прямой жизни. Что как раз верно в какой-то мере. Но она поразила другим, о чем я уже сказал. Это до сих пор не объяснено, не понято. Соединение самой грубой прозы жизни, которой касается право, и каких-то дивных, еще не совсем ясных, не совсем понятых человеческих ценностей. Без права общество становится ущербным. И даже в немалой степени таким, что его можно назвать порочным.

Современное гражданское общество без развитого права, по-должному отработанного, невозможно в принципе. Без развитого права у нас ничего доброго, в том числе в экономике, не получится.

В отношении теперешнего кризиса у меня есть кое-какие разработки, я считаю, что это в немалой степени правовой кризис.

Все говорят, что нужны единое право, единые нормы, единые правила игры. Меня поражает, что даже самые последовательные демократы, либералы самых крайних либеральных позиций говорят о выборах, о разделении властей, и никто не говорит о праве.

А если права не будет, то победа этих же демократов приведет их в то же самое состояние — состояние, которое опять приведет их к авторитарному или тоталитарному обществу. Потому что наиболее легким и, казалось бы, простейшим способом решения любых задач является государственное решение. Мощные силы, спецслужбы и т.д. — и решил проблему.

— Есть ли что-то, что Вы бы не смогли простить?

— Конечно. Предательство.

— Случалось ли так, что Вас предавали?

— Очень мало, к счастью.

— Есть такой человек или некий исторический или литературный герой, с кем бы Вам хотелось встретиться?

— Трудно сказать, поскольку вещь это фантастическая, нереальная. Мне бы хотелось встретиться с человеком, который преодолел немыслимые трудности, и поговорить с ним об этом. Людей, которые прошли сталинское беззаконие, состояние сына врага народа, а потом фронтовую участь, — вот их бы встретить, поговорить с ними.

— Оглядываясь на прошлые годы, можете однозначно ответить — Вы счастливый человек?

— Счастливый. Потому что у меня были верные друзья, товарищи. Я смог преодолеть сложности, которые не должен был преодолеть. Я помню такую ситуацию. Сидела одна пожилая женщина и долго смотрела на меня. Я спросил, чего она смотрит. Она ответила: «Вы под Богом. Все у вас будет». Так что я счастливый человек. При всех минусах, частных невзгодах, которые по большей части мы умеем сами себе создавать, а потом преодолеваем мучительно.